

Мечты коверсадеицы. - 19 87 - 21 мая

НЕСКОЛЬКО недель назад на факультете журналистики МГУ состоялась встреча с Фазилом Искандером. В течение двух часов писатель отвечал на вопросы студентов и преподавателей. Здесь представлены только некоторые, самые характерные.

— В последнем эссе «В чем тайна?», опубликованном «Литературной газетой», вами сделано интересное открытие. Вы заметили, что есть два типа творчества — дом и бездомье, и с этой позиции представили изящную антологию русской литературы от Пушкина до Трифонова. К какому типу творчества вы относите свои произведения?

— То, что пишу я, скорее, представляет «литературный дом», хотя подчас эти

не может. Журналистика — это сиюминутная реакция на происходящее, иногда она требует даже экстренного разговора с читателем. Всем нам известно, как сложно было преодолеть бюрократический заслон лет пять назад. Прорвались через него единицы.

— Будет ли опубликован ваш роман «Сандро из Чегема» в полном объеме?

— В «Новом мире» лежат неопубликованные главы этого романа. Возможно, скоро он будет напечатан в журнале.

— Как вы оцениваете фильм Абуладзе «Покаяние»?

— Это, может быть, самый великий фильм нашего века.

— В нескольких журналах напечатаны произведения Набокова. Что для вас значит этот писатель?

ЧЕЛОВЕК И СУДЬБА

БЕСЕДА С ФАЗИЛЕМ ИСКАНДЕРОМ

стенки разрушаются, и повествование выходит за его пределы, но и тогда я стараюсь преодолеть «бездомье», замкнуть его в «литературном доме».

Историю, к первому типу творчества (дом) рассказы Ф. Искандера «Чегемская Кармен» и «Бармен Адгур» («Знамя» № 12, 1986) можно отнести только метафорически, но второму их нельзя отнести вовсе. Я бы сказала, что герои Искандера не ограничиваются пространством «дома», как бы велик он ни был, они занимают пространства вселенского масштаба и умеются не в «доме», но в «истории», в огромной по продолжительности «судьбе». Не «дом и человек», а «человек и история», человек и судьба — вот структура двух рассказов. Но нельзя утверждать, что оболочка «дома» разрушена чем-то грандиозным. Нет, она жива, потому что герои Искандера живут в истории, как в доме, которому не угрожает тление, пока существует человечество.

— Все ситуации в рассказе «Бармен Адгур» гиперболизированы, доведены чуть ли не до абсурда: в Адгуре стреляют шесть раз, все пули выходят навылет, одна через сердце, а бармен остается жив. Честный милиционер отбывает в тюрьме срок, банда в милицмейской форме вершит суд. Аэрофлот, суд, врачи — все «куплено». Круг людей, которым можно доверять, замыкается на двух-трех друзьях Адгура — они-то и спасают его от тюрьмы. Кто эти друзья: очередная шайка-лейка или честные люди, вынужденные бороться средствами, которые выработали люди бесчестные?

— Для меня бармен Адгур и его друзья — люди, от природы одаренные мужеством, добротой. Но люди с хорошими задатками попали в атмосферу коррупции. В глубине души они — чистые. Я сочувствую им, как сочувствую всем, кто живет с раной в сердце.

— А обязательно ли сильно ненавидеть, когда пишешь серьезное, разоблачительное произведение?

— Я считаю, что ненависть — нетворческое чувство. Трудно писать ненавидя.

— Кого, на ваш взгляд, можно назвать хорошим писателем — сатириком?

— Юмор, сатира — это такие свойства, которые опережают обстоятельства жизни. Хорошим писателем — сатириком я считаю того, кто не задается этой темой заранее. Лучший юмор приходит во время работы, он должен быть как импровизация внутри темы.

— Кто из писателей последних 20 лет представляется вам наиболее интересной фигурой?

— Юрий Трифонов.

— Как вы считаете: когда начинается застой в литературе?

— Застой в литературе начинается одновременно с невозможностью для писателя, видя мир таким, какой он есть, познакомиться с ним читателя. В свое время, когда я написал «Созвездие Козлотура», в газете «Советская Абхазия» появилась рецензия. Она называлась «Вопреки правде жизни». Сейчас это звучит смешно. Но мы не гарантированы от изгибов истории, поэтому писатель не может не коснуться прошлых недостатков, их корней. В писательском деле во все времена нельзя делать поверхностный срез с истории.

— В большом ли журналисты долгу перед правдой?

— Вы, наверное, снова имеете в виду эпоху застоя в общественной и культурной жизни... Не стоит сильно винить журналистов. Им гораздо труднее бороться за правду, чем писателям. Если «не угодная» по каким-то соображениям книга (как это ни больно) должна несколько лет пролежать в ящике стола, то газета ждать

малые, он живет, а умирает только тогда, когда сил, действительно, не остается.

— Не считаете ли вы, что литературный язык, в особенности в произведениях некоторых современных писателей, постепенно вырождается?

— Достаточно трудно ответить на этот вопрос. Я считаю, что языковой талант писатель проявляет одновременно с другими элементами своего дара, поэтому язык отдельно не вырождается.

Ф. Искандер верен своим словам в творчестве. Этот писатель застрахован от того, чтобы делать «поверхностный срез с истории». Границы «литературного дома» его произведений преодолеваются — они растворяются в просторных категориях Времени. Понятным оказывается стремление Искандера не просто идти по дороге, но размышлять о зарубках на деревьях, не сделать из своих героев масовку, а отыскать ту ниточку, которая связывает человека с историей.

Записала Ирина МАЗИЛКИНА,
студентка факультета
журналистики МГУ.